

A man with short dark hair and a light beard is shown in profile, looking out over a city skyline at night. He is wearing a grey cable-knit sweater. The city below is illuminated with warm yellow lights, and several tall skyscrapers are visible in the background, some with lights on. The sky is a deep blue with some clouds.

Искандер Арысов

Невидимка

18+

Искандер Арысов

Невидимка

«Автор»

2026

Арысов И.

Невидимка / И. Арысов — «Автор», 2026

Он прожил жизнь, которую никто не заметил. Серёжа Плетнёв — сотрудник Пушкинского музея, тихий, незаметный, одинокий — всегда был тем, кого не выбирают. Среди пяти процентов мужчин, что никогда не узнают женской любви, он существовал как тень, растворяясь в толпе, в работе, в дешёвых пельменях на пустой кухне. Но за внешней серостью — душа, жаждущая любви, и слова, ищущие слушателя. «Мы — незаметные. Нас просто нет для этого мира», — говорит он. Но однажды в его жизни появляется свет — женщина, которая видит его настоящим. Короткое счастье, оборванное болезнью, становится точкой отсчёта. И тогда Серёжа начинает писать — о любви, о невидимости, о людях, чьи голоса не услышаны. Это роман о тех, кто остался за бортом. О письмах, написанных в пустоту. О надежде, которая теплится даже в самом тёмном тоннеле. «Невидимка» — трагедия одного человека, ставшая голосом миллионов. Прочитайте — и вы увидите тех, кого не замечали.

© Арысов И., 2026

© Автор, 2026

Искандер Арысов

Невидимка

ПРОЛОГ

В КОТОРОМ РАССКАЗЧИК ПЫТАЕТСЯ ОБЪЯСНИТЬ, ПОЧЕМУ ОН НАЧАЛ ЭТУ ИСТОРИЮ, И ПОЧЕМУ ОНА НЕ ЗАКОНЧИТСЯ ДАЖЕ ПОСЛЕ ТОГО, КАК ПЕРЕВЕРНУТА ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА

В городе, которого нет на картах, но который есть в сердцах всех, кто когда-либо чувствовал себя прозрачным, жил человек по имени Серёжа Плетнёв. Это был не город из камня и стекла, не Москва, не Петербург, не провинциальный городок с названием, которое забывается через пять минут после того, как поезд уносит тебя дальше. Это был город теней — тех самых, что скользят по стенам в сумерках, тех, что исчезают, когда включают свет, тех, что остаются только в памяти, если кто-то запомнил их очертания. В этом городе не было шумных проспектов и сверкающих витрин, не было ресторанов, где пахнет жареным мясом и дорогим парфюмом, не было парков с влюблёнными парами, которые целуются под фонарями. Здесь были только переулки, где ветер гонял сухие листья, и подворотни, где пахло сыростью и кошачьей мочой, и балконы, с которых можно было смотреть на чужую жизнь и понимать, что ты никогда не будешь её частью.

Серёжа Плетнёв был коренным жителем этого города. Он родился в нём, вырос, составил и умер в нём, и никто не заметил его ухода, кроме тех немногих, кто сам был тенью и знал, что такое исчезать бесследно. Он не был героем, не был злодеем, не был даже второстепенным персонажем чужой истории — он был тем, кого не замечают, тем, кто проходит мимо, оставляя только лёгкое дуновение воздуха, которое можно принять за сквозняк из старой форточки, если в доме живут люди, которые верят в сквозняки, а не в призраков. Он был пузырьком в стакане воды, который поднимается к поверхности, лопается и исчезает, и никто не спрашивает, куда он делся, потому что пузырьки — они всегда исчезают, и в этом их предназначение, их единственная роль в этом мире, который создан для тех, кто умеет держать форму и не лопаться.

Я пишу эту историю, потому что кто-то должен её написать. Потому что если я не напишу, она исчезнет вместе с Серёжей, как тот пузырёк, как тот пар, который вылетает изо рта в морозный день и тает в воздухе, не оставляя следа, и никто не узнает, что он существовал, что он дышал, что он чувствовал, что он любил. А он существовал. Я знаю это, потому что я видел его следы — в пыльных папках, в старых письмах, в потёртой обложке книги, которую он написал и оставил в подвале музея, чтобы кто-то нашёл её и понял, что он был. Он жил, дышал, страдал, надеялся, любил и был любим — хотя бы один раз, хотя бы на мгновение, хотя бы в тот короткий промежуток времени, когда его увидела Нина и сказала: «Ты есть. Ты настоящий». И этого мгновения достаточно, чтобы заполнить целую жизнь, как капли дождя заполняют пересохшее русло реки, как один солнечный луч пробивает тучи и освещает всё вокруг, даже если через минуту тучи снова сомкнутся.

Эта история — не про подвиги. Не про то, как человек победил систему, нашёл миллион, женился на красавице и уехал на Мальдивы, оставив позади всех тех, кто не смог. Это история про тех, кто остался. Про тех, кто смотрел на уходящие поезда и понимал, что они никогда не сядут в них, потому что у них нет билета, нет денег, нет даже чемодана, чтобы собрать свои вещи, потому что вещей у них никогда не было — только пустые руки и пустое сердце. Про девять процентов мужчин, о которых молчат учёные, когда публикуют свои исследования, о которых молчат статистики, когда подсчитывают проценты браков и разводов, о которых молчат женщины, когда говорят о своём одиночестве на кухнях и в подъездах, обсуждая, как трудно найти нормального мужика. Девять процентов — это не цифра. Это миллионы. Это

целые поколения, которые прошли через жизнь, не оставив потомства, не оставив наследников, не оставив даже имени на могильном камне, потому что некому было его заказать.

Это Серёжа Плетнёв, который работал в музее и знал о Пушкине всё, но не знал, как подойти к женщине. Это Вадим, который нашёл любовь только в сорок лет, когда уже перестал надеяться. Это дядя Саша из девяностых, который выносил мусор в пять утра, чтобы не встречаться с соседями, и умер в одиночестве, и никто не заметил, пока не запахло. Это мужчина из 1910-х годов, который вёл дневник и писал: «Я никому не нужен. Я просто тень». Это женщина из 1873 года, которая писала письма, которые никто не прочитал, и складывала их в конверт, перевязанный бечёвкой, надеясь, что через сто лет кто-то найдёт их и поймёт, что она существовала. Это мы. Это я. Это ты, если ты читаешь эти строки и узнаёшь себя в них, если ты когда-нибудь стоял у окна и смотрел на прохожих, думая, что они видят тебя не больше, чем видят фонарный столб.

Я пишу эту книгу не для того, чтобы разжалобить. Не для того, чтобы вы плакали над судьбой несчастного человека, который не смог найти любовь. Я пишу её для того, чтобы сказать: мы есть. Мы не исчезли, даже когда нас не видели. Мы оставили след — в письмах, в дневниках, в книгах, в сердцах тех немногих, кто заметил нас, кто протянул руку и сказал: «Я вижу тебя». И этот след — он как свет, который идёт из далёкой галактики: он уже не существует, он был испущен миллионы лет назад, но он всё ещё виден, и мы смотрим на него и думаем, что звезда жива, хотя на самом деле она уже умерла. Так и мы — мы уже ушли, но наш свет остался. И кто знает, может быть, когда-нибудь, через сто лет, какой-нибудь человек, такой же невидимка, как мы, найдёт эту книгу и прочтает её, и поймёт, что он не один, что были другие, такие же, что они прошли этот путь и оставили карту, по которой можно идти, даже если не видно конца. И тогда круг замкнётся, и мы станем видимыми — хотя бы в чьём-то сердце.

История Серёжи Плетнёва начинается в московской коммуналке на Соколе, где стены помнят голоса тех, кто уже умер, а полы скрипят под ногами тех, кто ещё жив, и этот скрип похож на шёпот, который никто не слушает. Она начинается с пельменей — дешёвых, из пакета с надорванным углом, который он покупал в круглосуточном магазине у продавщицы с родинкой на левой щеке, которая смотрела сквозь него, как смотрят сквозь пустое место, и никогда не говорила «спасибо» за сдачу, потому что не замечала, что он протягивает руку. Она начинается с балкона, с которого виден Москва-Сити — этот город в городе, где живут другие, те, кто победил в гонке, те, у кого есть деньги, статус, женщины, те, кто ездят на лифтах с зеркалами и пьют кофе с пенкой, и даже не подозревают, что где-то есть люди, которые смотрят на их огни и чувствуют, что они — часть этого мира, но не его обитатели, как призраки, которые не могут войти в дом, потому что их не пускает порог.

Она начинается с сигареты, которую он закуривал по вечерам, глядя на огни и думая о том, что он — пустота, которую нельзя заполнить, потому что нечем заполнять, и что его жизнь — это не жизнь, а всего лишь ожидание жизни, которое длится годами и заканчивается ничем. Он стоял на балконе, и дым поднимался вверх, к звёздам, и он думал о том, что звёзды — они тоже одиноки, они светят в пустоте миллионы лет, и никто не видит их света, кроме таких же одиноких людей на балконах, которые смотрят на них и ищут в них утешение. Он курил и вспоминал всех женщин, которые прошли мимо него, как проходят мимо витрины, не задерживаясь, потому что в витрине ничего нет — только пыль и отражение прохожего, который даже не смотрит на себя.

Я знаю эту историю не потому, что я был свидетелем. Я не сидел на балконе рядом с ним, не пил с ним чай в его коммуналке, не читал его стихи при жизни. Я знаю её потому, что я — один из них. Я тоже невидимка. Я тоже ходил по улицам, и никто не смотрел на меня, потому что я был слишком серым, слишком незаметным, слишком обычным, чтобы кто-то обернулся.

Я тоже ел пельмени в одиночестве и смотрел на звёзды, думая о том, что где-то есть кто-то, кто увидит меня, кто скажет: «Ты не пустота, ты человек». И я нашёл этот свет — в письмах, в словах, в книгах, в тех самых письмах из подвала, которые нашёл Серёжа, и в его собственной книге, которую он написал, чтобы мы не забывали. И теперь я хочу передать этот свет дальше, как передают свечу из рук в руки, чтобы она не погасла, чтобы кто-то ещё мог согреться у неё.

Я часто думаю о русских классиках, когда пишу об одиночестве. Толстой, который говорил, что любовь — это деятельное сострадание, и который сам мучительно искал смысл жизни, понимая, что его богатство и слава не спасают его от одиночества, от той пустоты, которую он чувствовал в Ясной Поляне, среди семьи и слуг. Достоевский, который писал о страдании как о пути к искуплению, и который знал, что любовь — это часто боль, но без этой боли жизнь становится бессмысленной. Чехов, который видел тоску во всём — в вишнёвых садах, в женщинах с собачками, в провинциальных городках, и который умел передать это чувство так точно, что, читая его, понимаешь: ты не один, у тебя есть брат по несчастью, который тоже сидел на скамейке и смотрел на уходящий поезд. Пушкин, который знал, что любовь — это свет, который горит внутри, даже когда тебя никто не видит, и который ушёл из жизни молодым, оставив нам свои стихи, чтобы мы знали, что он существовал, что он любил, что он страдал.

Серёжа Плетнёв был их наследником. Не по крови, не по таланту, но по духу. Он тоже искал смысл, он тоже страдал, он тоже любил и был не понят, не замечен, не выбран. Он был как Пьер Безухов без Наташи, как князь Мышкин без своей любви, как Гуров без Анны Сергеевны — он был человеком, который хотел любить и хотел быть любимым, но мир не дал ему этой возможности, потому что мир слишком занят другими людьми, теми, кто ярче, кто громче, кто умеет заявлять о себе, кто умеет брать, а не ждать.

Я пишу о нём, потому что он — каждый из нас. Каждый, кто когда-либо чувствовал, что он лишний, что его присутствие не имеет значения, что его голос не слышен в хоре других голосов. Мы все — невидимки в этом мире, пока кто-то не посмотрит на нас и не скажет: «Ты здесь. Ты нужен». И иногда этот кто-то появляется — как Нина появилась в жизни Серёжи, как редкий луч солнца пробивается сквозь тучи, — и тогда мы начинаем верить, что всё не зря. Но иногда этот кто-то уходит, и мы остаёмся снова одни, снова прозрачные, снова забытые.

Эта книга — не для тех, кто счастлив. Не для тех, кто нашёл свою любовь и сидит в ресторане, празднуя годовщину. Она для тех, кто ещё ищет и боится, что не найдёт. Для тех, кто просыпается ночью и думает: «А есть ли я вообще? Или я просто сон, который кто-то забыл, когда проснулся?» Для тех, кто смотрит на пустой экран телефона и ждёт сообщения, которого не будет. Для тех, кто стоит в толпе и чувствует себя самым одиноким человеком на земле, потому что вокруг все говорят, но никто не говорит с ним.

Я говорю вам: вы есть. Я знаю это, потому что я тоже есть. И если вы держите эту книгу в руках, значит, вы увидели меня. А если вы увидели меня, значит, я не исчез. И Серёжа Плетнёв не исчез. Мы все здесь. Мы все — свет в конце тоннеля, который ждёт, пока его увидят, пока на него обратят внимание, пока скажут: «Смотри, там что-то есть. Там не пустота».

Теперь, когда я сказал это, я могу начать историю. Историю о мальчике, который писал стихи в тетрадку и прятал их от всех, потому что боялся, что над ним будут смеяться, и который до самой смерти так и не показал их никому, кроме Нины. О юноше, который влюблялся и получал отказы, и каждый отказ был как нож, вонзающийся в его сердце, оставляя шрамы, которые не зажили до конца. О мужчине, который работал в музее и хранил чужие письма, потому что у него не было своих, и который жил среди чужих голосов, чтобы не слышать тишину своей собственной жизни. О старике, который ушёл, оставив книгу, чтобы мы могли прочитать её и узнать правду — правду о том, что даже невидимки могут любить, могут страдать, могут быть счастливы хотя бы в последние мгновения.

Это не роман в том смысле, в котором мы привыкли его понимать. Здесь нет захватывающего сюжета, нет погонь и перестрелок, нет любовных треугольников с неожиданными развязками. Это исповедь. Это свидетельство. Это письмо в бутылке, которую я бросаю в океан времени, надеясь, что кто-то найдет её и прочтает, и поймёт, что он не один. И если вы читаете эти строки, значит, бутылка достигла берега. Значит, есть ещё надежда, что даже невидимки могут быть замечены, что даже пузырьки могут оставить след, что даже самые тихие голоса могут быть услышаны, если говорить достаточно долго и достаточно искренне.

Садитесь поудобнее. Я расскажу вам историю. Она не будет весёлой — она будет горькой, как дешёвый чай из пластикового стаканчика, в котором плавают крошки от сухаря. Она будет о пельменях и одиночестве, о любви и смерти, о том, как человек может быть счастлив, даже когда его никто не видит, — потому что он видит себя сам, и этого иногда достаточно. Но в ней будет свет. И этот свет — он от нас. От невидимок. От тех, кого нет в учебниках истории, но кто есть в сердцах тех, кто знает их. Этот свет — он в каждом письме, в каждой строчке, в каждом вздохе, который был сделан с надеждой.

Добро пожаловать в мир, где вас не видят. Но если вы здесь, значит, вы уже видите. Вы видите меня. Вы видите Серёжу. Вы видите всех нас. И это значит, что мы не исчезли. Мы — свет.

Эта книга посвящается всем невидимкам, которые жили до меня, и всем, кто будет жить после. Вы не одни. Мы все здесь. Мы — свет в конце тоннеля. И мы ждём, когда вы увидите нас.

Глава первая

ПЕЛЬМЕНИ И НЕВИДИМКИ

В тот апрельский день Серёжа Плетнёв сидел на кухне своей коммунальной квартиры на Соколе — в комнате, которую он снимал уже четырнадцать лет, и смотрел на Москва-Сити. За окном моросил дождь, похожий на прокисший компот, который бабушка когда-то варила из сушёных яблок, собранных на даче у дальних родственников, и который стоял в банке неделями, пока не покрывался белой плёнкой. Но бабушка не выливала его — она говорила: «Это не испортилось, это просто перекисло, и в нём ещё больше витаминов». Серёжа тогда верил. Он верил во всё, что говорила бабушка. Потому что кроме неё никому было говорить.

На столе перед ним стояла тарелка с пельменями — дешёвыми, из пакета с надорванным углом, который он купил вчера вечером в круглосуточном магазине на первом этаже, где продавщица с родинкой на левой щеке всегда смотрела сквозь него, будто он был стеклянным. Серёжа знал: она его не видит. Он замечал это по тому, как она брала деньги — не глядя на него, как протягивала сдачу — в пустоту, как будто перед ней стоял не человек, а тень. Он не обижался. Он привык. Он уже много лет не обижался на то, что его не видят. Обида — это для тех, кто надеется, что его увидят. А он перестал надеяться где-то между двадцатью семью и тридцатью, когда понял, что мир — это не сцена, а задний двор, где никто не играет главных ролей.

На кухне пахло сыростью и старой плитой — той самой, с выщербленной эмалью и одной конфоркой, которая не горела, а только шипела, как рассерженный кот. Соседка сверху, та самая, что танцевала чечётку по ночам, сейчас стирала, и вода с грохотом бежала по трубам, создавая ритм, который Серёжа знал наизусть. Он мог по звуку определить, где она находится: если вода шумит ровно — она на кухне, если прерывисто — в ванной. Это была его система координат. У людей, которые живут одни, такие системы появляются сами собой — как способ обозначить присутствие других, пусть даже невидимых.

Он взял вилку, наколот пельмень, макнул в сметану, которую купил в тот же день, и задумался. Сметана была жидкая, почти как молоко, и пельмень в ней тонул, как человек в болоте — сначала медленно, потом всё быстрее, пока не исчезал совсем. Серёжа смотрел на

это и думал о том, что он сам похож на этот пельмень — он тонет в серости своей жизни, и никто не протянет ему руку, потому что никто не видит, что он тонет. Все заняты своими делами. У всех свои пельмени.

В пятницу вечером он встретился с Вадимом — своим единственным другом, с которым они дружили ещё с институтских времён, когда вместе пили дешёвый портвейн на скамейке у общежития и обсуждали, почему Достоевский был прав, а Толстой — нет. Вадим теперь работал бухгалтером в строительной компании, носил очки с толстыми стёклами, которые постоянно запотевали, и имел кошку по кличке Кнопка, которая была для него единственным существом, кого он мог обнимать по ночам. У Вадима, как и у Серёжи, к тридцати восьми годам не было ни жены, ни детей. Только кошка и кредит за однушку в Бутово, которую он выплачивал уже десять лет и, по его словам, «доплачивал бы до пенсии, если бы не случился конец света».

Они встретились в баре на Покровке — в том самом, где пиво было дешёвым, а свет таким тусклым, что можно было не видеть собственного лица. Заведение называлось «Бочка», хотя бочек там не было, только пластмассовые столики, запах застарелого табака и барменша с пирсингом в носу, которая меняла пластинки на проигрывателе и никогда не улыбалась. Серёже нравилась эта атмосфера — она была честной. Никаких притворств, никаких «у нас всё для вас». Только пиво, соль на стойке и одинокая муха, которая билась о стекло, пытаясь вылететь наружу.

— Ты философствуешь, как герой Достоевского, — сказал Вадим, сделав глоток из кружки. — Только у Достоевского герои хотя бы страдают по-настоящему. У них там страсти, убийства, страдания. А ты — ты просто ешь пельмени.

— Это и есть страдание, — ответил Серёжа, затушив сигарету в пепельнице, которая была сделана из старого автомобильного диска и выглядела так, будто её выкопали из земли вместе с мамонтом. — Только без пафоса. Пафос — это для тех, кто верит, что его страдания кому-то нужны. А я не верю. Я просто существую.

Он заказал ещё пива. Барменша с пирсингом молча поставила перед ним кружку, даже не взглянув в глаза. Серёжа заметил, что она смотрит на всех одинаково — как на мебель. Это его не удивляло. Он сам научился смотреть на мир так же — без ожиданий, без надежды, без боли. Это было его главное достижение.

— Слышал, у Кольки из нашего потока свадьба? — спросил Вадим, помешивая пиво ложкой, хотя пиво не нужно было мешать. Это была его привычка — нервная, бессмысленная, но успокаивающая.

— Колька? — переспросил Серёжа. — Это который всегда на первом курсе сдавал сопромат с пересдачей?

— Он самый. Теперь он начальник отдела в какой-то нефтяной компании. Женится на двадцатипятилетней. У него дом в Подмоскowie, две машины. Короче, всё как у людей.

Серёжа усмехнулся. Он вспомнил Кольку — низкорослого, с прыщавым лицом, который в институте боялся даже слово сказать на семинаре. Но потом Колька устроился на работу, влез в долги, купил первую машину, потом вторую, потом квартиру, потом дом — и вдруг оказалось, что он состоялся. А Серёжа, который на семинарах цитировал Бахтина и говорил о полифоническом романе, остался там же, где и был — у разбитого корыта. Только корыто это называлось «Пушкинский музей», и в нём плавали бумаги.

— Я рад за него, — сказал Серёжа. — Правда. Пусть живёт.

— Ты всегда так говоришь, — заметил Вадим. — «Пусть живёт». Как будто ты уже не живёшь.

— Я живу, — ответил Серёжа. — Но по-другому. Я живу как тень. А тени не мешают другим.

Они помолчали. В баре заиграла старая песня «Группы крови» — та самая, которую они слушали ещё в девяностых, когда всё казалось возможным. Серёжа подумал о том, что тогда, в двадцать лет, он действительно верил: у него будет семья, дети, что он будет читать им Пушкина на ночь, и они будут засыпать, слушая его голос. Но голос остался только у Пушкина. А сам Серёжа говорил всё тише, пока не замолчал совсем.

Вечером, уже дома, он сидел на балконе и курил. Балкон был крошечным — туда едва помещался табурет и банка из-под сгущёнки, которую он использовал как пепельницу. Отсюда был виден Москва-Сити — эти сверкающие башни, которые казались ему игрушечными, как будто их построили для великанов, а он, маленький человек, смотрел на них из своего муравейника. Он знал, что там, в этих башнях, живут другие люди — те, кто победил в гонке. Они пьют дорогое вино, ездят на лифтах с зеркалами, и их девушки носят туфли на каблуках таких высот, что можно было бы забраться по ним на Эльбрус. И он не завидовал. Он просто принимал, что это — не его мир. Его мир — это коммуналка, пельмени и пыльные портреты Пушкина, которые он переставлял с места на место, чтобы хоть как-то изменить обстановку.

Он вспомнил свою бабушку — ту самую, которая работала уборщицей в библиотеке и приносила домой книги, запрещённые в советское время, завернутые в газеты. Она читала ему вслух по вечерам, когда за окном выла метель и радио передавало последние известия. Бабушка была маленькой, сухой, как осенний лист, и пахла нафталином и старым хлебом. Она никогда не жаловалась на свою жизнь. Она потеряла мужа на войне, вырастила дочь одна, а потом потеряла и дочь — маму Серёжи, которая ушла, когда ему было три года, и больше не вернулась. Бабушка не говорила о ней. Только один раз, когда Серёжа спросил, она ответила: «Она ушла искать счастье. Наверное, нашла. А мы — мы остались». И Серёжа понял: он — тот, кто остаётся. Всегда.

В школе он тоже оставался. Он был тем мальчиком, которого не выбирали в футбольную команду, потому что он бегал медленно. Тем, кого не звали на дни рождения, потому что забывали. Тем, кто сидел на последней парте и писал стихи в тетрадку, которую потом прятал в ящик, чтобы никто не увидел. Стихи были плохие, но они были его. Он и сейчас иногда писал — на салфетках в кафе, на полях служебных документов, на обрывках обоев, когда не мог уснуть. Он не показывал их никому. Потому что не видел смысла. Кто захочет читать стихи о пельменях и одиночестве?

Но были в его школьной жизни и яркие моменты — правда, они были похожи на вспышки молнии в ночном небе: быстро, ярко, и тут же гаснут, оставляя только тьму.

В десятом классе он влюбился. По-настоящему. До дрожи в коленях, до потери аппетита, до того, что он перестал есть бабушкины котлеты и она забеспокоилась, не заболел ли он. Её звали Таня. Короткая стрижка, прикус с зазором между передними зубами, который делал её улыбку похожей на улыбку хитрой девочки из послевоенного кино, и глаза — чёрные, глубокие, как у героини того самого фильма, который он смотрел по телевизору в бабушкиной комнате, пахнущей нафталином и старой бумагой. Таня сидела на третьей парте у окна. Серёжа — на пятой, у стены, где висела карта мира, на которой Советский Союз был огромным красным пятном, и он часто смотрел на эту карту, думая, что где-то в далёких странах есть девушки, которые могут полюбить его. Но он не мог уехать. Он был слишком беден.

Он писал Тане записки. Целые страницы, исписанные аккуратным почерком, — стихи собственного сочинения, в которых он сравнивал её с утренней зарёй, с лебедем, с той самой героиней из фильма, которую он любил. Он клал эти записки в её учебник истории, когда она выходила из класса. Он знал, что она их читает — потому что однажды он увидел, как она улыбнулась, глядя в тетрадный листок. Но она никогда не отвечала. Она не говорила ему

ни да, ни нет. Она просто игнорировала его, как будто эти записки падали из параллельной реальности.

На школьной дискотеке — в актовом зале, где пахло духами «Престиж» и потом, а стены были украшены серпантином, который висел там уже два года и никто не догадался его снять, — он набрался смелости. Он подошёл к ней. Она стояла у стены, рядом с подругой, и они о чём-то шептались. Он протянул руку и сказал:

— Потанцуем?

Она посмотрела на него так, как смотрят на мебель, которая неожиданно заговорила. Её глаза на секунду расширились, но не от удивления, а скорее от неловкости — как будто ей предстояло сказать что-то неприятное. Она сказала:

— Прости, я уже приглашена.

И ушла. С Серёгой Морозовым — капитаном школьной команды по баскетболу, который потом поступил в МГУ, а после уехал в США и зарабатывал там такие деньги, что мог бы купить всю школу, включая директрису с её маленькой собачкой. Серёжа Морозов был высоким, широким, с квадратной челюстью и уверенностью, которая чувствовалась даже на расстоянии. Он был тем, кого выбирают. А Серёжа Плетнёв — тем, кого оставляют.

Он помнил, как тогда вышел из актового зала, надел пальто — старое, бабушкиного фасона, с широкими плечами, — и пошёл домой пешком через весь город. Шёл снег, крупный, липкий, который падал ему за воротник и таял, стекая по спине холодными ручьями. Он плакал — но не потому, что Таня отвергла его, а потому, что он понял: это будет всегда. Он всегда будет тем, кого не выбирают. И сколько бы стихов он ни написал, сколько бы усилий ни приложил, он останется на обочине.

Через год Таня вышла замуж за того самого Морозова. Серёжа узнал об этом от одноклассников, когда зашёл на сайт «Одноклассники» — он специально зарегистрировался, чтобы посмотреть её фотографию. Она была на фото в белом платье, с букетом, и улыбалась шире, чем когда-либо. Рядом с ней стоял Морозов — в костюме, с галстуком, счастливый. Серёжа тогда выключил компьютер, пошёл на кухню, сварил пельмени и съел их без сметаны. Он не плакал. Он просто принял.

После школы был институт — филологический факультет педагогического университета, куда он поступил, потому что любил читать и потому что не знал, куда ещё идти. Это был «выбор по умолчанию» — как говорят программисты, которые, кстати, зарабатывали тогда уже хорошие деньги, а филологи — нет. Серёжа учился хорошо, читал запоем, писал курсовые на темы, которые никто не читал, кроме преподавателей, и те ставили ему четвёрки, потому что им было лень читать до конца. На первом курсе он познакомился с Вадимом — тот сидел за соседней партой, такой же худой и неуклюжий, только с очками. Они быстро подружились, потому что оба были изгоями. Их не звали на студенческие вечеринки, потому что они не умели пить водку и танцевать, а могли только говорить о литературе. В двадцать лет это казалось важным. В сорок — смешным.

В институте Серёжа влюбился ещё раз. Её звали Лена. Она была с художественного факультета — рисовала акварелью, носила длинные юбки и пахла скипидаром. У неё были волосы до пояса, рыжие, как медь, и она постоянно их заплетала в косу, которая потом распускалась, и тогда она выглядела как русалка, выброшенная на берег. Серёжа увидел её в библиотеке — она сидела у окна и рисовала набросок старого дуба, который рос перед корпусом. Он подошёл, чтобы сказать что-то умное, но вместо этого только пробормотал:

— Красивый дуб.

Она повернулась, улыбнулась и сказала:

— Да, он старый и мудрый.

Серёжа подумал: «Это знак. Она говорит о мудрости — значит, она видит глубину». Он стал приходить в библиотеку каждый день, садиться рядом, заводить разговоры о живописи, о литературе, о том, как связаны искусство и жизнь. Она слушала его, кивала, иногда спорила, и он чувствовал себя почти счастливым. Он думал: «Может, в этот раз? Может, я наконец стану видимым?»

Он пригласил её на свидание — в кино, на «Амели», которая тогда только вышла. Она согласилась. Они пошли, смотрели фильм, смеялись, а потом сидели в кафе и пили кофе, и он говорил ей, что она как героиня этого фильма — добрая и чудаковатая. Она улыбалась, но в глазах у неё было что-то другое — как будто она была здесь, но мыслями далеко. Через неделю он узнал, что она уехала в Питер к своему парню, который учился в консерватории. Она даже не сказала ему «прощай». Просто исчезла.

Серёжа тогда впервые напился. Пил дешёвый портвейн в общаге, один, сидя на подоконнике и глядя в окно на мокрый асфальт. Вадим пришёл к нему, забрал бутылку, сказал: «Хватит, дурак». Серёжа не спорил. Он просто лёг спать и проспал двадцать часов. А когда проснулся, понял: любовь — это не для него. Это как радио, которое ловит только на коротких волнах, а его приёмник настроен на длинные, где одни помехи.

После института он устроился в Пушкинский музей — сначала на полставки, потом на полную. Работа была не пыльной, но скучной: он отвечал на письма посетителей, подшивал документы, иногда проводил экскурсии для школьников, которые его не слушали. Он знал про Пушкина всё — от первого до последнего стиха, от детства в Царском Селе до дуэли на Чёрной речке. И он часто думал о том, что Пушкин, несмотря на всю свою гениальность, тоже был одинок в каком-то смысле. У него были женщины, но он никогда не был по-настоящему счастлив в любви. Он искал идеал, а находил только тени. Может быть, поэтому Серёжа так любил Пушкина — он видел в нём родственную душу. Только Пушкин оставил после себя стихи, а Серёжа оставит только папку с документами, которую никто никогда не откроет.

В музее он проработал пятнадцать лет. За это время сменилось три директора, пять заведующих отделом, бесчисленное множество экскурсоводов и уборщиц. Серёжа оставался на своём месте, как старый пень, который никто не собирается выкорчёвывать. Его называли «Сергей Иванович» даже те, кто был младше его, и он привык к этому обращению, в котором чувствовалась дистанция. Он не был «Серёжей» ни для кого, кроме Вадима. И Вадим тоже был для него единственным.

Были в музее и женщины — молодые, красивые, с умными глазами и модными причёсками. Некоторые из них улыбались ему, когда он приносил им чай или помогал найти нужную книгу в архиве. Но это были улыбки вежливости — те, что дарят случайному прохожему. Серёжа знал разницу. Однажды он даже пригласил на кофе молодую сотрудницу по имени Оксана — она работала в кассе и часто зевала, когда не было посетителей. Он подошёл к ней и сказал:

— Может, выпьем кофе после работы?

Она удивлённо подняла брови, потом улыбнулась, но в этой улыбке было что-то снисходительное, как будто ей предложили забавную игру. Она сказала:

— Ой, Сергей Иванович, я после работы тороплюсь в спортзал. В другой раз.

Другого раза не случилось. Она вышла замуж за владельца сети кофеен, который заезжал за ней на белом джипе, и Серёжа видел, как она садилась в этот джип, не глядя по сторонам. Он стоял у служебного входа, курил и смотрел на это. И ему казалось, что его жизнь — это чёрно-белый фильм, в котором он играет роль статиста, а все главные роли достались другим.

В двадцать три года он встретил Марину. Она была студенткой истфака, подрабатывала экскурсоводом в том же музее. У неё были волосы цвета баклажана, которые она красила сама,

и привычка грызть карандаш, когда задумывалась. Она была живая, громкая, часто смеялась, и Серёжа думал: «А вдруг? Вдруг она увидит меня?» Он пригласил её в кино — на ту самую комедию, где все находили друг друга в финале под дождём. Она согласилась, и он чувствовал себя почти счастливым, пока они сидели в зале и она иногда касалась его плеча, когда смеялась. После кино он хотел её поцеловать, но она отвернулась и сказала: «Спасибо, было прикольно». А на следующий день он увидел её в кафе с Игорем — тем самым, который продавал подержанные «мерседесы» и носил золотой браслет. Они сидели за столиком у окна, она смеялась, и Игорь держал её за руку.

Серёжа подошёл к ним, сам не зная зачем. Он сказал: «Привет, Марина». Она посмотрела на него, смутилась, но быстро взяла себя в руки и сказала: «Серёжа, это Игорь». Игорь даже не взглянул на него. Он просто продолжал пить свой капучино. Серёжа понял, что он лишний, и ушёл.

Через несколько дней он набрался смелости и позвонил ей. Она ответила не сразу, а потом сказала:

— Серёжа, ты классный, правда. Но у тебя нет машины.

Он ответил: «Ну, это поправимо». Он тогда работал курьером, грузчиком, кем угодно — подрабатывал в такси, разгружал фуры на рынке, продавал диски с фильмами на переходе. Денег было в обрез, он едва сводил концы с концами, но он верил, что сможет купить машину — старую, подержанную, но свою. Однако деньги уходили на квартиру, на еду, на лекарства для бабушки, которая тогда уже болела. Машина так и не появилась.

В двадцать пять лет он встретил Ольгу. Она работала в книжном магазине на Арбате и мечтала о Париже. Серёжа тоже мечтал о Париже — там жил Пушкин, когда его не сослали, и там же были написаны лучшие стихи. Но у Серёжи не было билета на самолёт, как не было и загранпаспорта. Ольга была выше его ростом, с прямой спиной и острым подбородком, и она говорила о деньгах так же естественно, как говорила о погоде. Они встречались три недели — ходили в кафе, гуляли по набережной, и Серёжа думал, что вот оно, счастье. Но однажды она сказала:

— Ты хороший парень, но я хочу видеть рядом мужчину, который может обеспечить.

Она имела в виду квартиру на Патриках, машину не ниже «Тойоты» и хотя бы раз в год поездку за границу. Серёжа мог предложить только свои стихи, которых никто не печатал, и свою верность, которую никто не ценил. Он понял, что проиграл, и отступил. Через месяц она уехала в Париж с каким-то бизнесменом. Серёжа узнал об этом из «Одноклассников» — она выложила фото с Эйфелевой башней. Он поставил лайк. Потому что не умел злиться.

В двадцать семь он перестал пытаться. Просто потому, что понял: он проиграл гонку. Он не был конкурентоспособен. Он не мог дать девушке то, что она хочет. А она хотела не его. Она хотела того, кто уже «состоялся». А он не состоялся.

Он тогда сидел на кухне, смотрел на пустую стену и вдруг осознал, что за последние пять лет у него не было ни одного свидания, ни одного поцелуя, ни одной ночи с женщиной. Он был девственником в двадцать семь — и это было не смешно, а страшно. Он чувствовал себя уродом, каким-то биологическим браком, который природа создала по ошибке и забыла уничтожить. Он сходил с ума от этого осознания. Но потом он сказал себе: «Стоп. Это не конец света. Это просто факт. Ты не нужен женщинам. И это нормально. Есть и другие, такие же, как ты». Он не знал тогда, что таких, как он, — около пяти процентов мужского населения. Он не читал американских исследований. Но он чувствовал это нутром.

— Я не злюсь, — сказал он Вадиму. — Я понимаю их. Кому нужен вечно голодный студент с лысиной и дырявыми трусами? У него даже пельмени — самые дешёвые.

Вадим, который тоже знал цену дешёвым пельменям, промолчал. Он вообще много молчал. Поэтому они и стали друзьями — потому что оба знали: слова не помогут. Поможет только молчание.

Но были и женщины, которые, казалось, могли бы его полюбить. Вера — гардеробщица из Пушкинского музея. Она была вдовой, с круглым лицом и руками, которые пахли нафталином. Ей было за сорок, она потеряла мужа от цирроза, оставшись с квартирой на Пресне и кучей долгов. Вера улыбалась редко, но когда улыбалась, в её глазах появлялась теплота, от которой Серёже становилось легче. Он стал приносить ей чай, иногда печенье — то самое, которое покупал в магазине у продавщицы, которая не видела его. Вера благодарила и говорила: «Какой вы добрый, Сергей Иванович». И он думал: «Может, она видит меня?»

Он пригласил её в кафе на Никольской — там, где подавали круассаны с миндалём. Она согласилась. Они сидели два часа, говорили о погоде, о музее, о её покойном муже, о его бабушке. Она иногда касалась его руки, и от этих прикосновений по телу пробегала дрожь. Он почти поверил, что наконец-то нашёл то, что искал. Но через неделю она уехала в Болгарию с художником, который приехал на выставку. Она сказала ему перед отъездом: «Прости, Серёжа, но это мой шанс. Я не хочу умирать здесь, в этой пыли». Она взяла его за руку, поцеловала в щёку и ушла. Серёжа стоял на перроне, глядя, как поезд уносит её в далёкую страну, и чувствовал, что земля уходит из-под ног. Но потом он взял себя в руки, пошёл домой, сварил пельмени и съел их. Без слёз. Без сожаления. Только с пустотой внутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.